

ЛЕМАН В. Ф.

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА СЕГОДНЯ

1. Введение. В последние десятилетия индоевропеистика вступила в новую эпоху. Предшествующие исследования правомерно разделить на три периода, как это делает в своей книге В. Георгиев: 1) 1816—1870, 2) 1870—1916, 3) 1916 и далее [1]. Однако, как показано в том же исследовании, эти три периода представляют собой последовательные этапы развития единого направления, в основе которого лежит «сравнительно-исторический подход к индоевропейским языкам» [1, с. 27]. Хотя В. Георгиев рассматривает и другие методы, очевидно, что ведущие индоевропеисты опирались именно на сравнительно-исторический метод; этот метод лежит в основе многих исследований по индоевропеистике и в наши дни. Кроме того, главным объектом изучения были скорее языки как таковые, нежели языки народов с определенной культурой. Сегодня мы вправе говорить о новой эпохе, поскольку индоевропеисты сейчас располагают точными, хотя и неполными, данными о последовательных местах обитания носителей индоевропейских языков, о культуре этих народов. Кроме того, они имеют теперь более совершенные представления о языке, а также методы, позволяющие расширить наши лингвистические знания. Поэтому индоевропеистические исследования будут теперь все более приближаться по своему характеру к исследованиям исторически засвидетельствованных языков, как это было показано в недавно вышедшей в свет книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [2].

В небольшом очерке можно дать лишь краткий обзор основных исследований, проводившихся в указанном выше русле; к тому же в предлагаемом обзоре указывается крайне ограниченное число библиографических источников. Современные издания — будь то отдельные труды, как, например, работы В. Георгиева с библиографией в 35 страниц и Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова — с библиографией в 140 страниц, или такие, например, журналы, как «Die Sprache» и «Kratylos», — содержат максимально полную информацию, необходимую для дальнейших исследований. Основу данного очерка составляют характеристика достижений, связанных с археологическими открытиями, выводы из частных и общих культурологических исследований и результаты новейших лингвистических исследований. Расширение наших знаний и исследовательских возможностей ставит новые проблемы, разработка которых, к счастью, ведется; однако их решение требует значительно больших исследовательских усилий, а также организационных мер по налаживанию тесного сотрудничества между учеными различных специальностей из многих стран мира. Главная цель данного очерка — выявить проблемы, которые могут представлять интерес для этих ученых.

2. Локализация индоевропейского праязыка и связанные с ней вопросы. Видные индоевропеисты всегда занимались изучением как раннеиндоевропейских социальных объединений, так и их языков. А. Мейе катего-

рически заявляет, что язык не существует вне общества [3, с. 18] и что «общий язык (подобный индоевропейскому праязыку) предполагает общую цивилизацию..., народ, языком которого был общиндоевропейский» [4, с. 31, 32]. Мы можем предпочитать иные термины терминам «общий» и «народ», однако не подлежит сомнению, что А. Мейе, несмотря на его предостережения, представлял себе при этом определенный народ с определенными культурными характеристиками и языком, краткое описание которого он дал в своем «Введении» [3]. Подобным образом, К. Бругман настаивает на своем предположении о существовании пранарода («Urvolk») [5, с. 22], а Г. Хирт говорит о «Stammvolk», обладавшем общими культурными чертами [6, с. 30]. Все эти три выдающихся ученых, стремясь исследовать реконструированный язык в его социальном контексте, вместе с тем сознавали недостаточную достоверность имевшихся у них данных [6, с. 29]. К счастью, методы археологических исследований ныне настолько усовершенствовались, что получаемые с их помощью новые сведения в сочетании с данными других наук [7, с. 5] позволяют с большой степенью уверенности использовать данные о носителях индоевропейского праязыка и их культуре.

На протяжении некоторого времени индоевропейцы соотносили носителей индоевропейских языков с определенными культурами, выявленными на основе археологических изысканий [8, с. 159—165; 9, с. 392—406]. Эти культуры относились к позднему периоду — третьему и второму тысячелетиям — и были локализованы, главным образом, в Центральной и Северной Европе. Поскольку основными признаками этих последних были каменные боевые топоры и шнуровая керамика, данные термины послужили в качестве обозначений культур, соотносимых с носителями индоевропейских языков. Вновь полученные археологические данные сближают культуру шнуровой керамики/боевых топоров с «древнеямной» культурой юга России. Согласно широко распространенной гипотезе, последняя характерна для носителей индоевропейских языков; эта культура известна под названием «курганной», что связано с курганами, которые насыпались при погребении знатных членов рода [10 (с библиографией), 11]. Эта традиция хорошо известна у народов культуры шнуровой керамики [12]. Кроме того, она описывается в таких памятниках, как «Илиада» (гл. 24, стихи 782—804) и «Беовульф» (стихи 1120, 3156—3162). Представители курганной культуры, бесспорно, были древнейшими носителями индоевропейских языков.

Не может быть сомнения в том, что древние носители курганной культуры проживали к северу от Черного и Каспийского морей. В ходе раскопок связанных между собой курганов были получены данные о распространении курганной культуры на запад, вглубь Европы, а оттуда — на Апеннинский п-ов, а также на север в Скандинавию и другие регионы Северной Европы [11; 13, с. 61—85]. Эти раскопки опровергли ранее предложенные гипотезы, в соответствии с которыми первоначальным «очагом» индоевропейцев является Центральная Европа, гипотезы, которые, к сожалению, повторяются в изданных большим тиражом популярных работах [14, с. 63—74, перепечатано в 15. с. 585—598]. «Очагом» индоевропейцев в конце IV тысячелетия несомненно была южная Россия.

Это не означает, что не могут быть определены более древние праязыковые территории, а также более ранние периоды в истории праязыка. Соответствующие гипотезы составляют ядро серьезной научной полемики [16, 7]. В силу своей сложности они заслуживают отдельного рассмотрения, как и ностратическая гипотеза. Замечу лишь коротко, что приводит-

мые в их поддержку данные — в основном лингвистического плана, причем здесь неизменно встают вопросы, предполагающие дальние реконструкции (ср., например, гипотетическое слово для обозначения «обезьяны» [7, с. 44—45; 2, с. 523—524, 585, 872]). Анализ этих реконструкций и продолжающийся поиск фактов, говорящих в пользу глоттальной теории, ставят перед лингвистами сложную проблему. Можно надеяться, что со временем будут получены новые археологические данные, которые позволят проверить гипотезы, основанные на лингвистической палеонтологии.

Независимо от того, будут ли эти данные указывать на индоевропейскую «прародину», находившуюся к северу от Каспийского моря или в Закавказье, или даже «между Балканами и Карпатами в V—IV тысячелетии» [7, с. 67], реалистическая трактовка индоевропейской общности возможна лишь начиная со времени, когда индоевропейцы в конце IV тысячелетия стали использовать колесо, лошадь и металл. Этот вывод, а также новые сведения о последовательных миграциях индоевропейцев содержатся в работах, которые поставили индоевропеистику на новую основу. Развитие исследований в этом направлении и установление хронологии наиболее раннего состояния — важнейшие задачи современной индоевропеистики.

3. Культура древних индоевропейцев. Носители позднеиндоевропейских языков, обитавшие в степной зоне, по всей вероятности, занимались кочевым скотоводством. В пользу подобного предположения говорят исследования лексики, археологические данные, а также свидетельства Геродота относительно обитателей этой области, живших там несколькими тысячелетиями позже. Эти данные также согласуются с общими выводами в пользу скотоводческой деятельности, вытекающими из антропологических исследований. В последнем отношении заслуживает внимание работа А. Хазанова [17] и ее обсуждение Т. Инголдом [18]. Термины, относящиеся к скотоводству, например, названия домашних животных, и термины, относящиеся к содержанию стада [19, с. 32—34], названия мелких социальных групп [19, с. 239—258] надежно засвидетельствованы в диалектах, в то время как термины, относящиеся к оседлому земледелию, такие, как «пахота», «посев», «молотьба», появляются только в начальный период существования поздних языковых подветвей. При интерпретации таких названий, как показано ниже, нужно очень осторожно относиться к определению их относительной хронологии [19]. Повседневная жизнь индоевропейцев скорее всего походила на скифскую, как ее описал Геродот, за исключением того, что со временем появилось колесо (это дало возможность передвигаться и даже жить в крытых повозках в значительной степени подобно переселенцам в Австралии и Америке в XIX в.). Благодаря появлению колеса, а вслед за ним — телеги и крытой повозки стала возможной миграция людей, не просто отдельные боевые вылазки, а переселение целых семей в новые регионы.

Названия, относящиеся к социальным структурам, свидетельствуют в пользу выводов относительно существования небольших мобильных групп, а не крупных народов. Не удалось восстановить ни одного термина, относящегося к более крупной единице. Производные от праи.-е. *weyk-*, как, например, греч. *oikos* «совокупность домов; родина», используемое в этом значении в «Илиаде» (I.606, также I.19, 170, 179), и др.-инд. *viśpatis* «глава деревни» показывают, что самой крупной социальной единицей была большая семья. Названия главных ее членов, подобно слову *viśpatis*, обозначают социальные роли, а не семейные узы. Каким бы ни было точное происхождение основных терминов родства: праи.-е. *pātēr*, *mātēr*, *dhughātēr* «отец,

мать, дочь», основаны ли они на детских словах, таких, как *па*, *ма*, или на элементах, означающих «защищать, отмерять, служить» или им подобных, эти слова не обозначают генетических ролей, за исключением, быть может, лат. *supus* «сын; рожденный». Нуклеарная семья, вероятно, совместно жила в **domos*, подобно тому, как каждый из богов в гомеровском пантеоне имел свой собственный *dōmos*, *dōma* («Илиада», I.607, также I.18, 533, 570, 600; 6.313). «Дворец» Александра обозначается формой мн. числа *dōma*; его отдельные части состоят из помещений, обозначаемых формой ед. числа, видимо, ведущих начало от однокомнатного дома индоевропейцев, к которому были добавлены *thálamos* «почивальня» и *anté* «двор». Существование подобных небольших социальных единиц, по всей вероятности, обеспечивало гибкость, особенно необходимую в чрезвычайных ситуациях, когда нужно было на время создать более крупные единицы, как, например, в описанном в «Илиаде» «войске», собранном эллинами.

Можно предполагать, что искусство древних индоевропейцев, ведущих кочевую жизнь, было весьма примитивным [20, с. 87—104]. Отсутствие, даже в более поздние периоды, постоянных мест обитания обуславливало наличие лишь таких несовершенных видов искусства, как шнуровая керамика и наскальные изображения, как, например, в Вал Камонике и в Кивике. Религиозные представления также не отличались большой сложностью: имелся лишь бог Солнца, особых мест для совершения культа не было. Если согласиться с моим предположением, что два вестника-близнеца эвфемистически представляют собой тестикулы бога Солнца, то религиозные представления индоевропейцев оказываются более простыми и более непосредственно связанными со скотоводческой жизнью, чем те, о которых говорит М. Элиад [21, с. 10—11]. Выводы о столь простой или даже унылой жизни древних индоевропейцев могут быть подкреплены данными о более высокой культуре различных позднейших подгрупп. Каждая подгруппа ввела свои собственные божества. Греческий пантеон с множеством могущественных богинь значительно отличается от пантеона индоарийцев, а последний, в свою очередь, от пантеона иранцев, и хеттов, и т. д. В наши дни благодаря блестящим работам М. Гимбутас мы знаем, что греки унаследовали своих богинь, а также богов от древних европейцев вместе с их отношением к животным, и особенно к птицам [22]. Индоевропейский бог Солнца, хотя временем его положение было довольно шатким, перешел в пантеон, став Зевсом, а его вестников-близнецов заменил Гермес. Хетты, в свою очередь, заимствовали, среди прочих богов, хаттских и хурритских [23, с. 130—146]. Женские божества хеттов также отличаются от греческих. Так, например, ни у греков, ни у индоарийцев нет богини, аналогичной солнечной богине Ариины — Вурусему. Индоарийцы же, жившие за пределами Средиземноморья, для которого характерна приверженность к женским божествам, создали мужской пантеон, если не считать Ушас, богиню Утренней зари. У коренных народов заимствовались не только божества, но и виды художественной деятельности [23, с. 171—178; 21].

Несмотря на полуварварское состояние (так А. Гетце характеризовал хеттов [23, с. 171]), индоевропейцы отличались способностью к организации, восприимчивостью к новым обычаям, идеям, к различного рода нововведениям. Они также проявляли исключительный интерес к поэтическим формам речи, которая занимала особое место в их религиозных обрядах, к описаниям прошлых событий и к формулам народной мудрости. Восприимчивостью к изменениям и ассимиляцией иноэтнических культурных черт индоевропейцы отличаются от семитских народов. Индоевропейцы заимствовали богов и богинь, равно как и социальные установления и обы-

чаи. Они также скорее смешивались с другими народами, чем искореняли их, как того требовал древнееврейский бог от избранного им народа («Исход», 23: 23—33, «Второзаконие», 7 : 2). Археологические открытия позволят расширить наши знания о развитии конкретных культур на вновь освоенных территориях, подобно тому, как исследования по микенской культуре уточнили наши представления о развитии греческой подгруппы. Хотя в отношении остальных индоевропейских подгрупп трудно ожидать получения столь же разносторонних сведений, дальнейшие археологические изыскания помогут дополнить и конкретизировать сведения, которыми мы располагаем в результате исследования текстов и языков. Археологические данные также помогут нам представить себе особенности развития каждой подгруппы, входившей в протоиндоевропейскую общность, что привело к становлению абсолютно разных культур в таких, в частности, подгруппах, как индийская, эллинская и германская. По культуре индоевропейской общности существуют всесторонние исследования, принадлежащие, например, Ш. Шрадеру и Г. Хирту, а в последнее время Э. Бенвенисту [24], Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову [2, ч. 2]. Подобные описания нужны и для древнейших периодов развития каждой из подгрупп.

Вполне возможно, что «камни не говорят», что археологические данные по существу не могут надежно свидетельствовать об истории языковых общностей. Кроме того, возможно, что донаучные антропологические описания таких классиков, как Геродот, Цезарь и Тацит, субъективны, а материал, который можно добыть из Вед и других древнейших источников, дает для описания древнейших культур лишь фрагментарные сведения. Однако углубленное изучение этих вопросов, проводившееся в течение нескольких столетий, позволило определить принципы интерпретации археологических свидетельств исторических описаний, а также установления их связей с данными языкового анализа. Интерпретация этих данных позволила получить надежные выводы, на которых мы подробно остановимся ниже с привлечением трех научных дисциплин: лингвистики, археологии и истории культуры.

4. Прогресс в изучении языка. Поскольку конкретные социальные группы идентифицируются прежде всего через их язык, индоевропеистика должна и впредь в значительной степени полагаться на данные, полученные языковедами. Следует в связи с этим с удовлетворением отметить прогресс в изучении языка и более четкую оценку его роли в обществе. В настоящее время мы уже не считаем предосудительным тот факт, что в том или ином языке могут быть заимствования из других языков. Напротив, критические нападки, наподобие тех, что были предприняты против З. Файста, который признавал возможность заимствований из языков коренных народов, теперь расцениваются как ненаучные и неуместные в научных публикациях. Если греческий, один из древнейших из засвидетельствованных диалектов, к тому же часто называемый консервативным, содержит от пяти до шести тысяч заимствованных слов [25], не должно быть особых колебаний по поводу допущения значительного числа заимствований в таких засвидетельствованных в более поздний период диалектов, как германский и итальянский. В санскрите также имеется большое число слов, заимствованных из дравидийских и других местных языков. Мы не разделяем попытки отвергнуть наличие заимствований как принижающих статус носителей индоевропейских языков. Большое число заимствований мы рассматриваем в контексте общей восприимчивости к инновациям. Например, готское *alew* «масло» и его аналоги (counterparts), производные от слова,

обозначающего оливу, выявляют древнейшие языковые и социальные связи, подобно английским *wine* и *vine*, каково бы ни было их первоначальное происхождение. Установление «контекста» всех подобных культурных слов в отдельных из языковых подгрупп имеет огромное значение для описания развития этих подгрупп и их взаимосвязей.

Было бы ошибкой, однако, переоценивать значение внешних влияний и объяснять структурные свойства языка исключительно заимствованиями, как это делает П. Андерсен [26]. Несколько столетий изучения языка дали в наше распоряжение ценные сведения о его роли в обществе. Введение новых формальных методов и изменения в лингвистической терминологии никоим образом не умаляют ценности этих сведений. Независимо от применяемой нотации и терминологии теперь твердо установлено, что базовые структуры языков, их фонологические, морфологические и синтаксические компоненты, обиходный словарь постепенно изменяются в ходе контактов с другими языками; этот вывод подтверждают даже такие языки, как албанский, где имеется большое число заимствований. Изменения происходят в первую очередь в словарном составе в связи с необходимостью обозначения новых культурных и технических понятий, в меньшей степени в синтаксических и деривационных морфологических структурах и менее всего во флективной морфологии и фонологии. Отдельные отклонения от общей ситуации не ослабляют силу этих выводов. Как и в других науках, лингвистические выводы имеют статистический характер: данные с низкой частотой встречаемости не опровергают того или иного общего вывода. Подобно изотопам в химии, эти данные способствуют более адекватному пониманию интересующих нас вопросов. В лингвистике нечастотные случаи нередко дают возможность выявить отдельные сегменты постоянно изменяющейся системы (ср. низкочастотное /b/ в фонологических системах древнейших диалектов, нерегулярные основы на *r/n* в словоизменительной морфологии, нерегулярные посессивные композиты в деривационной морфологии, нерегулярные препозитивные относительные конструкции в синтаксисе). Чтобы быть убедительными, исследования нерегулярных, а также и частотных явлений должны обязательно основываться на знании языка в его функционировании в обществе как в настоящем, так и в прошлом. Подобные знания накапливались в течение всего развития лингвистической науки и суммировались лингвистической типологией. Как и любая другая научная дисциплина, эта отрасль лингвистики переживала периоды интенсивного интереса к ней и периоды, когда она оказывалась вне поля зрения лингвистов. Одним из периодов ее наиболее энергичного развития явился конец XVIII в., чему способствовали научный подъем в России и деятельность таких ученых, как Лейбниц. Главный итоговый труд этого периода «Митридат» еще и сегодня представляет определенный интерес [27]. Не преуменьшая значения последующих исследований типологов, таких, как В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Ф. М. Мюллер, Н. Финк, Э. Сэпир, мы находим более полезными современные типологические изыскания, в том числе таких исследователей, как Дж. Гринберг, В. Н. Ярцева [28], Г. А. Климов [29]. Эти типологические исследования уже привели к основательной переоценке прежних взглядов, примером чего является глоттальная теория, развиваемая Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [2] и Э. Хоппером [30]. Эта теория, поначалу встреченная скептически, теперь получила широкое признание, если не утвердилось вполне, в особенности в отношении состояния языка, которое она описывает, независимо от того, будем ли мы квалифицировать его как праиндоевропейское или как доиндоевропейское. Всеобъемлющее представление этой теории

в труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [2] делает излишним ее обсуждение в данной статье. Заметим лишь, что в ней постулируются серии смычных согласных, состоящие из глоттального, глухого и звонкого (с аспирированными или шепотными аллофонами), как, например, в дентальной серии *d t d* (ранее *dt dh*). Используя последние достижения в изучении системы индоевропейских звонких согласных, особенно исследования Ф. Эджертона [31], а также прогресс в изучении системы индоевропейских гласных, достигнутый в значительной мере, благодаря проницательным выводам Е. Куриловича, основанным на интерпретации хеттских данных [32], глоттальная теория иначе представляет систему смычных согласных, что имеет соответствующие следствия для системы ларингальных. Она дает в наше распоряжение основанную на научных принципах сегментную фонологическую систему древнейшего праиндоевропейского состояния. Будем надеяться, что появятся подобные типологические исследования супraseгментов, которые создадут основу для более адекватных представлений об индоевропейской системе ударения, а также конечных элементов или стыков.

Формулирование глоттальной теории показывает, сколь значительный вклад может внести типология, предлагая обоснованную интерпретацию хорошо известных данных. Еще А. Шлейхер установил отсутствие /b/ в системе индоевропейских согласных [33, с. 160]. Он также установил, что в индоевропейском языке доминирующей была суффиксация; в то же время А. Шлейхер объяснял все препозитивные элементы, в частности, аугмент, как результат «*Zusammenrückung*» [33, с. 333—336]. А. Мейе в свою очередь указал на отсутствие префиксов в праиндоевропейском языке [3, с. 151]. Однако лишь данные синтаксической типологии позволяют объяснить эту черту в более широком контексте, подобно тому как выводы фонологической типологии привели к разработке глоттальной теории. Из синтаксической типологии мы знаем, что префиксы не используются в качестве флексивных элементов в языках типа OV. Следовательно, отсутствие префиксов в праиндоевропейском показывает, что он был языком типа OV.

Характеристики, установленные синтаксистами после А. Шлейхера, подтверждают этот вывод. Б. Дельбрюк на основе изучения ранних санскритских текстов определил, что в простых предложениях глагол занимал конечную позицию [34]. Он также указал на другие характеристики языков типа OV (препозитивная позиция генитива по отношению к определяемому [34, с. 42—43], расположение «древних истинных предлогов» после существительных [34, с. 46]). Но он не рассматривал эти характеристики в общей типологической перспективе. Целью Б. Дельбрюка была экспликация синтаксиса отдельных индоевропейских языков [35]. Ни он, ни его современники-типологи не соотносили установленные им синтаксические закономерности с данными, быть может, фрагментарными, содержащимися в «Митридае» И. Аделунга и в последующих работах. Не предприняли они и попытки обобщить факты синтаксической типологии. Современные попытки синтеза, возможно, несовершенны, а рассмотрение синтаксиса многих диалектов требует значительных исследовательских усилий. Однако нет большого смысла в бессодержательных процедурах, предлагаемых ad hoc, например, Э. Хэмпом и К. Уоткинсом [36, 37], некритически принимаемых некоторыми исследователями, в основном теми, кто слабо владеет индоевропейским материалом [38]. И все же преобладающее число данных говорит о том, что индоевропейский язык был языком типа OV.

Необходимость изучения индоевропейского синтаксиса можно проил-

люстрировать предложением Г. Рикса о проведении полного синтаксического анализа «Записок о галльской войне» Ю. Цезаря. Выбор данного текста определяется тем, что его текстологическая история дает основания считать его довольно непротиворечивым и однородным. Отсутствие такого синтаксического исследования текста, который знаком практически всем индоевропейцам, показывает, какие требования встают перед нами в связи с задачей накопления необходимого объема информации о синтаксическом развитии индоевропейских языков. Наличие компьютерных программ в значительной степени упрощает предлагаемый анализ, который можно было бы использовать в качестве примера для исследования многих других текстов.

Подобно фонологии, синтаксис должен рассматриваться в своем развитии. Это свойство языка предопределяет тот факт, что языковые системы никогда не бывают целиком внутренне последовательными. Современные языки, такие как английский, немецкий и французский, служат примерами подобной непоследовательности. Они дают нам основание заключить, что при изменении языков не наблюдается параллелизма, даже если эти языки являются близкородственными. Хорошо известно, что каждый из этих близкородственных и чрезвычайно схожих языков имеет отличную от других историю, связанную с историей общества, которое им пользуется. Кроме того, языки могут иметь различия даже внутри отдельных стилевых регистров. Так, например, в русском языке (соответствующие синтаксические исследования подтверждают это) письменный «научный стиль» более чем на 90% VO, в то время как «неофициальная спонтанная разговорная русская речь» более, чем на 50% OV [39, с. 45—46]. В других языках — картина смешанная. Так, в частности, литературный немецкий имеет структуру VO в главных предложениях и OV — в придаточных, что, как я уже отмечал [40], накладывает специфический отпечаток на структуру языка.

Как и при исследовании фонологических и морфологических характеристик, задачей исторической лингвистики является определение причин установления той или иной ситуации в том или ином языке. Это может быть осуществлено лишь посредством создания на основе теории языка концептуальной схемы и путем сбора сведений об изменениях в синтаксисе. В последние годы появились новые работы о синтаксических изменениях [28; 41], а также о конкретных изменениях в индоевропейских языках (ср. [42] и последующие публикации данного автора). Как подчеркивает К. Юстус [42, с. 238—239], в хеттском имеются препозитивные относительные предложения с фокусным маркером, которые есть и в древне-латинском. Примеры показывают, что эта конструкция встречается в языках, которые засвидетельствованы в состоянии перехода от порядка OV к порядку VO. Ранее Б. Дельбрюк отметил препозитивность относительных предложений с *ya* в раннесанскритской прозе, указав, что «обычно относительные предложения имеют препозитивную позицию, реже — постпозитивную» [43, с. 564], хотя позднее, из-за отсутствия соответствующих синтаксических сведений он пришел к выводу, что «естественная и первоначальная позиция относительных предложений была после главного предложения» [35, с. 425]. В другом месте я указывал на расширение знаний о синтаксисе, в значительной мере связанное с исследованиями языков типа OV [44, с. 124—125]. Этот прогресс позволил объяснить развитие синтаксиса в некоторых древних языках и дать общее описание праиндоевропейского синтаксиса [40]. Индоевропеистика сейчас нуждается в тщательных исследованиях основных синтаксических структур в каждом из диа-

лектов. Необходимо выявить этапы синтаксического развития в соответствии с изменением морфологических структур, наподобие того, что я предложил в отношении маркеров относительных конструкций [44, с. 138—139], а также установить корреляции этих этапов с этапами фонологических изменений. Такие этапы были намечены при исследовании ларингальных [47, с. 112—114]. Хронология развития системы смычных подобно рассматривается И. М. Дьяконовым [7, с. 7—19]. Необходимо отметить важность предлагаемой И. М. Дьяконовым хронологической трактовки, а также необходимость интеграции подобных фонологических описаний с описаниями, предлагаемыми для словарного состава и синтаксиса компонента (с учетом информации, добытой на основе археологических изысканий). Полученные до сих пор результаты никак не могут считаться окончательными: так, этапы фонологических изменений были недавно намечены на основе морфологических маркеров ([45] и ср. также [46, 47; 48, с. 44—50]). Теперь данные по отдельным языковым уровням должны исследоваться в совокупности. Каков бы ни был результат такого комплексного анализа, рассмотрение праиндоевропейского в процессе развития есть одно из наиболее значительных достижений новейших индоевропеистических штудий.

Соотнесение деривационной морфологии с развитием техники позволило уяснить относительную хронологию культурного словаря, как это сделано Ф. Шпехтом в его исследовании «Происхождение индоевропейского склонения» [19]. Ф. Шпехт показал, что терминология, описывающая крытую повозку, характеризуется морфологией (resp. тематической флексией), типичной либо для позднего праиндоевропейского состояния, либо даже для древнейших индоевропейских диалектов [19, с. 99—103]. В ходе археологических исследований мы получаем все более точные сведения об изобретении колеса в конце IV тысячелетия, об его использовании в транспортных средствах, а также о последующем распространении колесной тяги [49, с. 30—63]. Археологические данные позволяют отнести появление тематической флексии к началу III тысячелетия. Датировка пока носит самый общий характер и должна быть соотнесена с морфологическими характеристиками соответствующих диалектов, особенно анатолийского.

Типологические процедуры лишь недавно стали применяться в семантических исследованиях [50, с. 245—271]. Схема установленных изменений включает переходы от пропозиционного к текстовому и далее к экспрессивному значению, подобно тому как полнозначные слова переходят в формальные, а аспектная система переходит во временную [51, с. 145—146; 52, с. 19—26]. Гипотеза о другом семантическом сдвиге, от полнозначного слова к формальному, была выдвинута много лет назад К. Бругманом, который предположил, что праиндоевропейское местоимение 1-го лица развилось из слова, параллельного по значению японскому *boku* «слуга > я» [5]. Последняя гипотеза наталкивает на другие предположения, например: не была ли праиндоевропейская система личного дейксиса в более древний период основана на именных лексемах, выражавших почтение? На примере этого предположения видно, что семантические реконструкции носят в высшей степени гипотетический характер и требуют в целях большей достоверности дальнейших исследований семантической типологии, а также, если это возможно, анализа доиндоевропейского и современных ему языков.

5. Исследования, основанные на археологических изысканиях. Достижения в области археологии, с другой стороны, являются поистине впечат-

ляющими, и число их таково, что перечисление просто невозможно. Применение в археологии последних достижений физики, химии, биологии дало возможность датировать археологические находки, определять их происхождение и даже восстанавливать их. Мы признательны авторам работ, обобщающим результаты археологических исследований, таких как [53, 54, 49, 11]. Однако, как было отмечено выше, каждая из этих областей настолько сложна, что требует полного внимания работающих в ней специалистов, а это ограничивает возможность интеграции результатов, основанных на данных, полученных в других областях. С. Пиггот [49], например, не упоминает исследования Ф. Шпехта [19]. Чтобы сделать сотрудничество более тесным, мы нуждаемся в обобщающих публикациях.

Одним из наиболее значимых достижений естественных наук является определение последовательных этапов прогресса в использовании металлов. Общая схема такова: за медью последовала мышьяковая бронза, за ней — оловянная бронза, еще позже — железо [55]. Эти последовательные фазы представлены, хотя и неотчетливо, и в лексиконе. Праи.-е. *ayos* «руда, металл» — единственный термин, реконструируемый для праиндоевропейского языка, хотя Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов предложили и другие термины [2, с. 713—714]. Обозначения металлов, появившихся позднее, рассматриваются в [56, с. 605—615]. В связи с важностью этих терминов все они широко обсуждались, но полного согласия относительно их интерпретации достигнуто не было [2, с. 709—714]. Тем не менее все сходится в том, что *ayos* сначала обозначало медь, затем бронзу и, наконец, в Индии стало обозначать железо. Слово *ayos*, возможно, происходит от корня *ay-*, *хегу-* «гореть, блестеть». Таким образом, это существительное могло сначала служить для обозначения металлов, получаемых плавлением, либо же, согласно интерпретации Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, причиной его возникновения был яркий цвет этих металлов.

Уже давно известно, что когда были открыты новые металлы, появились и дополнительные термины, такие как лат. *aes cuprium* «металл с Кипра, медь». Металлы, введенные в употребление еще раньше, видимо, также имели свои обозначения, как, например, мышьяковая медь, от которой отказались, по крайней мере, отчасти из-за ее вредного воздействия на кузнеца. В связи с отказом от мышьяковой бронзы маловероятно, чтобы обозначавший ее термин сохранился в языке. Однако его следы могли сказаться в производных формах. Я выдвинул предположение, что такими реликтовыми формами являются лат. *aeger*, тох. В *aik(a)re*, А *ekro* «больной», ст.-слав. *jědza* «болезнь», др.-исл. *ekki* «боль», литов. *ingis* «лентяй» и др. На этимологию этих слов нет общепринятого взгляда. Однако вполне вероятно, что для обозначения мышьяковой бронзы в качестве варианта *ayos* был образован дериват на *-g*, имеющий в качестве корня [подобно праи.-е. *-es*-основам, ср.: *ayos-*, *aydhes-*, как в др.-инд. *édhas* «дрова», греч. *áithos* «огонь»] праи.-е. *ay-*. Ввиду вредного воздействия мышьяковой бронзы термин, предположительно служивший для ее обозначения, возможно, сохранился лишь в таких производных формах, как лат. *aeger*.

Хотя предлагаемая этимология и вытекающие из нее соображения, возможно, носят спекулятивный характер, факты, выявленные в области палеозоологии, палеоботаники делают необходимым по-новому проанализировать праиндоевропейский словарь. Такой пересмотр, учитывающий данные, основанные на результатах анализа археологических находок, может прояснить отдельные участки праиндоевропейского лексикона и в то же время расширить наше представление об условиях, в которых жили индоевропейцы.

Второй том труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [2] представляет в наше распоряжение оптимальные средства для проведения подобного анализа. В нем, в частности, содержится исследование термина, обозначающего «лосося» [2, с. 536], который широко использовался в XIX в. для локализации прародины индоевропейцев в Северной Европе. Ряд предположений авторов, например, в отношении слов, обозначающих слона и обезьяну, равно как и соответствующие выводы об относительно более южной прародине индоевропейцев, энергично оспариваются (ср. соответственно [2, с. 523—524] и [7, с. 44—45]). Дальнейший анализ новых данных, полученных в результате археологических и палеологических исследований, позволит нам уточнить выводы о древних местах обитания носителей индоевропейских языков и об их расселении.

6. Выводы, основанные на текстовом анализе. Наиболее впечатляющие выводы текстового анализа связаны с изучением ключевых фрагментов со структурной точки зрения. Выдающийся мифолог Ж. Дюмезиль в своих фундаментальных исследованиях проанализировал с трехфункциональной точки зрения тексты, описывающие общественные установления и обычаи индоевропейцев ([57, 58]; ср. также [59]). Результаты этих исследований хорошо известны: Ж. Дюмезиль постулировал наличие у индоевропейского общества такой структуры, в которой выделялись социальные группы с жреческими, военными и хозяйственными функциями. В этом древнеиндоевропейское общество отличалось от древних семитов, у которых все три функции были объединены, а центрами административно-хозяйственной жизни служили храмы (у индоевропейцев храмов не было). Соответствующие тексты подверглись тщательному анализу, в более поздних из них были выделены наиболее древние фрагменты. Привлекались сведения, относящиеся к различным областям культуры индоевропейцев, например, к религиозным обрядам. Достоверность этих выводов повысится с привлечением данных, основанных на археологических находках, а также данных соответствующих языков.

Тексты анализировались не только с целью выявления концептуальных структур, но и параллелизмов в различных индоевропейских языках. Наиболее известным из последних является параллелизм приводимого А. Куном др.-инд. *āksiti śrávas* с гомер. *áphthiton kléos* «неувядаемая слава», позднее модифицированного в соответствии с порядком VO. Подобный поиск особенно характерен для исследователей, придающих большое значение сравнительному методу, например, для К. Уоткинса [60]. Результаты такого поиска заслуживают самого пристального внимания, однако их ценность может быть резко снижена при недостаточном внимании к структуре языка и отсутствию различительной функции у предлагаемых моделей (как, например, в англ. *Arnold's son*). Ранее я уже отмечал, что приводимая современными индоевропейцами форма санскритского выражения с более поздней тематической флексией *śrávas ...āksitam* встречается лишь в одном стихе «Ригведы» (I.9.7), в котором прилагательное употреблено предикативно; адъективно-субстантивная группа везде имеет приведенную выше форму (Ригведа, I.40.4, 8.103.5, 9.66.7). При точном цитировании обнаруживается архаичность этого выражения, имеющего порядок следования OV. Тщательный анализ параллельных словосочетаний, встречающихся в текстах, способствует проникновению в специфику языка, а также ранней культуры, как показал А. Кун в 1853 г.

В ходе дальнейшего изучения текстов выявились группы лексических единиц, среди которых наиболее детально исследована категория терми-

нов родства. Эта категория, давно являвшаяся объектом изучения, в недавнее время была подвергнута анализу с несколько иных позиций — с учетом данных сравнительно-типологических исследований ([61; 24, с. 180—192], ср. [48, с. 36—39]). Описание структуры индоевропейского общества, основу которой составляла парная экзогамная патрилокальная семья с ее разновидностями, содержится в труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [2, с. 755—775]. Развитие антропологических исследований позволяет надеяться на появление работ, освещающих другие стороны индоевропейского социума, отраженные в праиндоевропейском лексиконе и в древних текстах.

Резюмируя, можно сказать, что тщательные исследования текстов и древних языков с учетом выводов, полученных смежными научными дисциплинами, будут способствовать обогащению наших знаний о культуре древнего периода, а также восстановлению доверия к лингвистической палеонтологии. Актуальными остаются археологические изыскания в районах, населенных индоевропейцами. К счастью, в настоящее время они проводятся весьма интенсивно. Эти исследования будут иметь особенно важное значение для решения таких проблем, как восточная миграция индоиранцев, установление районов обитания в Европе носителей культуры Белл Бикер, а также ранней прародины носителей праиндоевропейского языка. Вопросы, стоящие перед нами, сходны по масштабу с вопросами, которые стояли перед индоевропейцами в начале XIX в. и позже, в его столь продуктивной последней четверти. Отличие, однако, состоит в том, что в наши дни центральное место принадлежит археологическим находкам, а не лингвистическому объяснению. Сложность проблем требует интенсивного сотрудничества ученых, работающих во всех научных дисциплинах и учреждениях, имеющих к ним отношение. Результаты этих исследований приблизят нас к пониманию замечательного события человеческой истории — распространения небольшой языковой общности по обширной территории и превращения ее в крупнейшую языковую семью.

7. Ностратическая гипотеза. Установление связей между праязыками постоянно занимало немногочисленную группу ученых. Эти поиски, вероятно, заслуживают одобрения, но, по-видимому, выходят за пределы наших возможностей. Х. Педерсен в конце своей известной истории лингвистики XIX в. поместил краткий обзор всех попыток соотнести индоевропейский с другими языковыми семьями. Относясь с сочувствием к исследованиям подобного рода, он предложил «в качестве общего названия для всех языковых семей, которые имеют связи с индоевропейской, ...термин ностратические языки (от *nostras* „наши соотечественники“)» [62, с. 338]. Среди них такие, например, семьи, как семитская, финно-угорская, тюркская, «широко разветвленная хамитская семья» и кавказские языки. О. Семереньи положительно относится к ностратическим штудиям, но употребляет термин «ностратический» в смысле, характерном для современных исследователей [48, с. 39—41]. Эти исследователи включают в «макросемью» разное число языков. В то время как В. М. Иллич-Свитыч [63] и его последователи включают те же языки, что и Х. Педерсен, А. Бомхард ограничивается двумя — праиндоевропейским и праафразийским [64, с обширной библиографией].

Выше я уже отмечал, что в коротком очерке невозможно подробно проанализировать ностратические исследования. В связи с огромным вниманием, которое им уделяется, даже таким осторожным исследователем, как О. Семереньи, следует высказать два соображения, первое из которых касается метода, второе — результатов исследований языковых связей.

При установлении возможных языковых связей должен быть привлечен исчерпывающий материал — сначала материал, для которого могут быть сформулированы правила, а затем списки «исключений» из установленных правил. Своей силой формулировка Я. Гримма, предложенная им в 1827 г., в значительной степени обязана применению именно подобной процедуры [65, с. 580—592]. Для всех случаев параллелизма указываются правила (позже, к сожалению, квалифицированные в качестве «законов»). После этого отмечаются «исключения». Эффективность этой процедуры была осознана, когда несколько лингвистов — фон Раумер, Г. Грассман, К. Вернер — решили проблему «исключений», предложив новые правила с соответствующими ограничениями. Пока сторонники ностратической теории не возьмут на вооружение методику Я. Гримма, их усилия будут подвергаться критике.

Хотя глоттохронология не получила широкого признания, ее практика показала, что языки постоянно утрачивают лексические единицы — от 15 до 20 % лексического фонда за тысячелетие. Допустив относительно высокий уровень сохранности лексики, например, 85 %, можно ожидать, что в двух языках, имеющих общий источник, через тысячу лет после их обособления соответствия в словаре составят лишь 72 %. Если принять, вслед за Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [2, с. 964], в качестве периода существования праиндоевропейской языковой общности V тысячелетие, мы должны постулировать, по крайней мере, семь тысячелетий раздельного существования с другими языковыми семьями, и даже более, учитывая огромные различия между праиндоевропейским и праафразийским. За столь значительный период число соответствий едва ли превысит число случайных соответствий между языковыми семьями. Подобные темпы утраты могут способствовать объяснению отсутствия некоторых соответствий между различными семьями, объединяемыми в рамках ностратической гипотезы, однако ее сторонники должны вполне определенно высказать свою точку зрения в отношении этого отсутствия.

Для того, чтобы ностратическая гипотеза получила широкое признание, ее сторонники должны строго следовать процедурам исторического языкознания. Одной из важнейших задач является объяснение фундаментального различия между праафразийским как языком типа VSO и праиндоевропейским как языком типа OV. Возможно, что по мере углубления наших знаний могут быть выявлены бесспорные морфологические показатели, раскрывающие связи между языками на протяжении длительного периода времени (ср. работу А. Банхарда). Необходимо оценить взаимовлияния лексики и синтаксиса в наиболее древние периоды существования языка [2, с. 967—968]; О. Семереньи не только принимает во внимание лексические заимствования, но и высказывает предположение о фонологическом влиянии семитских языков на индоиранские, начиная уже с древнейшего периода. Выявление инноваций внутри отдельных семей и их взаимовлияния в соответствии с требованиями строгих лингвистических процедур — одна из насущных задач индоевропеистики. Очевидно, что придется обратиться к самым разнообразным источникам — археологическим, культурно-историческим и лингвистическим [2, с. 969].

8. Заключение. Большое число вопросов, связанных с изучением праиндоевропейского и его носителей, остается нерешенным. Исследование проблем прародины индоевропейцев показывает, что праязык не есть просто более древнее отражение греческого, армянского и индоиранского; «стройная... глагольная система последних» [48, с. 50] является еще одним свидетельством творческой способности к нововведениям носителей ин-

доевропейских языков. В связи с этим индоевропейцы еще больше осознали тот факт, что представление о праязыке как языке, схожем с санскритом, является по меньшей мере упрощением. Открытие хеттского языка явилось одним из ключевых факторов становления более реалистических представлений, хотя трудности, связанные с расшифровкой этого и других анатолийских языков, тормозили исследования хеттского языка и его взаимосвязей. Первые хеттские словари все еще не завершены; ссылки в них даются скорее на таблички, чем на критически изданные тексты, уже давно имеющиеся по другим ветвям языков. Поэтому индоевропейцы не могут пользоваться анатолийскими источниками с той же легкостью, с какой используются материалы по другим подгруппам. Тем не менее представления XIX в. о праязыке сегодня уже не разделяются учеными.

Источником новых импульсов для пересмотра прежних взглядов на праязык явились археологические открытия, а также использование всей совокупности лингвистических методов, а не только сравнительного. Система праиндоевропейского языка, излагаемая в стандартных учебниках, постепенно модифицируется. Наибольшая степень согласия наблюдается в отношении модификации фонологической системы. Большинство индоевропейцев постулирует три ларингальных, некоторые — четыре, другие — по крайней мере, один. Многие исследователи, кроме того, предполагают более долгое сохранение ларингальных после распада индоевропейской языковой общности на диалекты, как это делается в работах Ф. Коттланда [66, 67]. Через год или два, как обьявило известное издательство «Де Гройтер», предполагается опубликовать два обзора современных точек зрения, авторами которых являются соответственно Э. Полеме и Т. Веннеман.

Новые представления об индоевропейской морфологической системе гораздо медленнее проникают в сознание лингвистов. Постулирование ларингальных, например, прояснило вопрос о связи между формами ед. числа ж. рода и мн. числа ср. рода на -а, о чем почти сто лет назад писал И. Шмидт [68]. Однако даже такие ученые, как О. Семереньи [48, с. 19 — 20], не склонны отказываться от родовой системы, связанной с «естественным родом». Уже много лет назад К. Бругман описал индоевропейскую родовую систему как отражение согласования между прилагательным и существительным. Данные диалектов, в особенности анатолийского, позволяют предположить, что такое согласование — более позднее явление и основывалось на семантических категориях коллективности, одушевленности и неодушевленности. Тем не менее многие продолжают придерживаться устаревшего взгляда на род, унаследованного от эпохи романтизма.

Опыты объяснения развития индоевропейской родовой системы будут и в дальнейшем основываться на гипотезах, а эти последние в свою очередь опираются большей частью на данные общезыковедческих исследований. Согласно одной из гипотез, выражение согласования особенно характерно для языков типа SVO. Оно отсутствует в языках типа OV, например, в турецком и в японском, и минимально представлено в языках типа VSO, например, в библейском древнееврейском. Появление в индоевропейском праязыке системы согласования вполне соотносимо с начинающимся сдвигом от структуры типа OV к типу VO. О наличии такого сдвига и о том, что до него индоевропейский праязык имел структуру OV, свидетельствуют многочисленные данные. Нельзя строить общие выводы лишь на нескольких характеристиках, таких как относитель-

ное придаточное предложение и связанные с ним именные определительные конструкции с генитивом и адъективом. Нельзя делать выводы и на основе отдельно взятых позднейших текстов. Кроме того, применение логических схем к естественным языкам приводит к ошибочным результатам. При ближайшем рассмотрении признаков, свойственных типу VO, в противопоставлении признакам, характерным для типа OV, нельзя не сделать вывод, что структура раннеиндоевропейского праязыка относилась к типу OV. Следствия из этого должны приниматься во внимание при локализации индоевропейского праязыка с учетом других праязыков той эпохи.

Авторам подобных исследований необходимо также использовать все более убедительные выводы, связанные с археологическими изысканиями, хотя эти выводы и могут быть спорными, равно как и лингвистические гипотезы, вроде глоттальной теории. Уже само название такого, например, исследования А. Аммермана и Дж. Кавалли-Сфорца, как «The Neolithic transition and the genetics of populations in Europe» [69], сколь бы суровой ни была критика рецензентов [70], показывает очевидные достижения в объяснении тех процессов, которые были абсолютно недоступны индоевропейцам XIX в. Пример из другой области — использование изотопного состава свинца для определения медных источников бронзового века — показывает ту степень точности, которую мы все более можем ожидать от данных археологических исследований и их анализа [71].

Работы общего характера, такие как [72] или [73, 12], слишком обширны, чтобы их можно было коснуться в данном обзоре. К тому же в них рассматриваются лишь некоторые ветви индоевропейского праязыка.

И последнее. Индоевропейские исследования приобрели слишком большую широту и значимость, чтобы ими занимались только лингвисты. В XIX в. видные ученые других специальностей, такие как Й. Хоопс [74] и О. Шрадер [75, 76], исследовали общенаучные и культурологические вопросы, относящиеся к индоевропейцам. Разделение наук привело к тому, что специалисты в области социальных и естественных наук, а также исследователи культуры пошли собственными путями. Необходимо принять меры по объединению их с языковедами, например, в рамках Центра индоевропейских исследований, у которого имелись бы все условия для выполнения и издания научных работ. Та выдающаяся роль, которую носители индоевропейских языков сыграли в истории человечества, требует детального осмысления. Значительные результаты в этой области можно получить уже сегодня при условии объединения усилий ученых разных специальностей.

Перевел с английского Дронь А. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Georgiev I.* Introduction to the history of Indo-European languages. Sofia, 1981.
2. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
3. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. P., 1937.
4. *Meillet A.* The comparative Method in historical linguistics/Translated by Ford B. F., Jr. P., 1967.
5. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
6. *Hirt H.* Die Hauptprobleme der indogermanische Sprachwissenschaft. Halle, 1939.
7. *D'iakonov I. M.* On the original home of the speakers of Indo-European // Soviet anthropology and archeology. 1984. 23.V.2.
8. *Bosch-Gimpera P.* Les indo-européens: problèmes archeologiques. P., 1961.

9. *Buchvaldek M.* Corded pottery complex in Central Europe // *Journal of Indo-European studies*. 1980. 8.
10. *Gimbutas M.* Proto-Indo-European culture: The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth, and Third Millennia B. C. // *Indo-European and Indo-Europeans*/Ed. by Cardona G. et al. Philadelphia, 1970.
11. *Gimbutas M.* The transformation of European and Anatolian culture 3400—2500 B. C. and its legacy // *Journal of Indo-European Studies*. 1980. VIII. 1—4; IX. 1—2.
12. *Glob P. V.* The Mound people. L., 1974.
13. *Thomas H. A.* Archeological evidence for the migrations of the Indo-Europeans // *Migrations of the Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*. Ann Arbor, 1982.
14. *Thieme P.* The Indo-European language // *Scientific American*. 1958. 199. P. 63—74.
15. *Thieme P.* The comparative method for reconstruction in linguistics // *Language in culture and society*. N.Y., 1964. P. 585.
16. *Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V.* The ancient Near East and the Indo-European problem: Temporal and territorial characteristics of Proto-Indo-European based on linguistic and historico-cultural data. The migrations of tribes speaking the Indo-European dialects from their original Homeland in the Near East to their historical habitations in Eurasia // *Soviet studies in history*. 1983. 22. V. 1—2.
17. *Khazanov A.* Nomads and the outside world // *Cambridge studies in social anthropology*. 1984. 44.
18. *Ingold T.* Khazanov on nomads // *Current Anthropology*. 1985. 26.
19. *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
20. *Alexander S. M.* Was there an Indo-European art? // *The Indo-Europeans in the Fourth and the Third Millennia*. Ann Arbor, 1982.
21. *Eliade M.* Shamanism. Princeton, 1964.
22. *Gimbutas M.* The goddesses and gods of Old Europe 6500—3500 B. C. Myths and cult images. L., 1982.
23. *Goetze A.* Kleinasien. München, 1957.
24. *Benveniste E.* Indo-European language and society. L., 1973.
25. *Furnée E.* Die wichtigsten Konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague, 1972.
26. *Andersen P.* Word order typology and comparative constructions. Amsterdam, 1983.
27. *Adelung J.* Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Berlin, 1806—1817.
28. *Ярцева В. Н.* Типология языков и проблема универсалий // *Теоретические аспекты лингвистики*. М., 1977.
29. *Климов Г. А.* Принципы континентальной типологии. М., 1983.
30. *Hopper P.* «Decem» and «Taihun» languages: An Indo-European isogloss // *Bono homini donum. Essays in historical linguistics in memory of J. A. Kerns*. Amsterdam, 1981.
31. *Edgerton F.* The Indo-European semivowels // *Language*. 1943. 19.
32. *Kurylowicz J.* Indoeuropéen et hittite // *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*. Kraków, 1927. I. P. 25—104.
33. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1871.
34. *Delbrück B.* Die altindische Wortfolge aus dem Çatapathabrâhmaṇa dargestellt // *Delbrück B.* Syntaktische Forschungen. III. Halle, 1878.
35. *Delbrück B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893—1900.
36. *Hamp E.* Why syntax Needs phonology // *Papers from the Parasession on diachronic syntax*. Chicago, 1976. P. 348—364.
37. *Watkins C.* Towards Proto-Indo-European syntax: Problems and pseudo-problems // *Papers from the parasession on diachronic syntax*. Chicago, 1976.
38. *Lehmann W.* From phonetic facts to syntactic paradigms: The noun in early Proto-Indo-European // *The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*. Ann Arbor, 1982.
39. *Keijsper C.* Information structure with examples from Russian, English and Dutch. Amsterdam, 1985.
40. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. Austin, 1974.
41. *Word Order and Word Order Change* / Ed. by Li C. Austin, 1975.
42. *Justus C.* Relativization and topicalization in Hittite // *Subject and topic*. N.Y., 1976. P. 245—251.
43. *Delbrück B.* Altindische Syntax. Halle, 188.
44. *Lehmann W. P.* The Reconstruction of non-simple sentences in Proto-Indo-European // *Linguistic Reconstruction and Indo-European syntax* / Ed. by Ramat P. et al. Amsterdam, 1980.

45. *Meid W.* Probleme der räumliche und zeitliche Gliederung des Indogermanischen // Flexion und Wortbildung. Wiesbaden, 1975.
46. *Neu E.* Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems. — In: *Studies in Greek, Italic and Indo-European linguistics* (offered to Leonard R. Palmer). Innsbruck, 1976.
47. *Adrados F. R.* The archaic structure of Hittite // *The journal of Indo-European studies*. 1982. 10.
48. *Szemerényi O.* Recent developments in Indo-European linguistics. // *Transactions of the Philological Society*, 1985.
49. *Piggott S.* The earliest wheeled transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L., 1983.
50. *Traugott E.* From propositional to textual and expressive meanings: Some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization // *Perspectives on historical linguistics*. Amsterdam, 1982. P. 245—271.
51. *Prokosch E.* A comparative Germanic grammar. Philadelphia, 1939.
52. *Lehmann W.* The Indo-European *dh*-determinative as Germanic preterite formant // *Language*. 1943. 19.
53. The coming of the age of iron / Ed. by Wertime T., Muhly J. New Haven. 1980.
54. *Clutton-Brock J.* Domesticated animals from early times. London—Austin, 1981.
55. *Charles J.* The coming of copper and copper-bronze alloys and iron: A Metallurgic Sequence // *The coming of the age of iron*. New Haven, 1980.
56. *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
57. *Dumézil G.* L'idéologie tripartite des indo-européens. Bruxelles, 1958.
58. *Dumézil G.* Mythe et épopée. I—III. P., 1971—1973.
59. Hommage to Georges Dumézil / Ed. by Polomé E. C. Washington, 1982.
60. *Watkins C.* Aspects of Indo-European poetics // *The Indo-Europeans in the Fourth and Third millennia*. Ann Arbor, 1982.
61. *Friedrich P.* Proto-Indo-European kinship // *Ethnology*. 1966. 5.
62. *Pedersen H.* Linguistics Science in the Nineteenth Century. Cambridge, 1931.
63. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения постратических языков. I—II. М., 1971, 1976.
64. *Bomhard A. R.* Toward Proto-Nostratic. A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afro-Asiatic. Amsterdam, 1984.
65. *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Bd. 1. Gütersloh, 1891.
66. *Kortlandt F.* Proto-Indo-European obstruents // *IF*. 1978. 83.
67. *Kortlandt F.* Linguistics theory, universals, and Slavic accentuation // *Folia Linguistica Historica*. 1983. 4.
68. *Schmidt J.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
69. *Ammerman A., Cavalli-Sforza J.* The Neolithic transition and the genetics of populations in Europe. Princeton, 1984.
70. *Dennel R.* // *Science*, 1985, N 227. p. 1331. Rec.: *Ammerman A., Cavalli-Sforza J.* The Neolithic transition and the genetics of population in Europe, Princeton, 1984.
71. *Gale N., Stos-Gale Z.* Bronze age copper sources in the Mediterranean. A new approach // *Science*, 1982, N 216.
72. *Trump D.* The prehistory of the Mediterranean. New Haven, 1980.
73. *Glob P.* The bog people. L., 1969.
74. *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* / Hrsg. von Hoops J. I—IV. Strassburg, 1911—1919.
75. *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1906—1907.
76. *Schrader O.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. 2-te Aufl. / Hrsg. von Nehring A., Bd. I—II. Berlin, 1917—1929.